

ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ КОННОТАЦИИ И ЕЕ МИКРОКОМПОНЕНТОВ В ТРИАДЕ ТЕКСТ—ДИСКУРС—КАРТИНА МИРА

В. М. Никонов

Липецкий государственный педагогический университет

В статье рассматривается и частично решается проблема потенциальных и актуализованных возможностей коннотации в феноменах *текст—дискурс*. Предложены критерии лингвистических и паралингвистических средств, позволяющих дифференцированно подойти к анализируемым объектам, находящимся в сложных *динамических* соотношениях.

Известно, что среди новаций последнего времени применительно к традиционным и новым методам и методологии исследования текста актуальность приобрело изучение дискурса в сравнении с текстом. Нас в данной работе прежде всего интересуют коннотативные ресурсы как в их текстовой, так и, особенно, дискурсивной представленности. Назовем ряд основополагающих работ, которые можно считать отправным материалом для наших теоретических рассуждений и выводов, касающихся основной проблемы статьи. Это монография Н. Ф. Алефиренко «Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры» [1]. Дискурс в разных его видах и сопряженности с проблемами лингвокультурологии анализируется в монографическом исследовании В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [8]. «Текст—дискурс—картина мира» — с таких ракурсов рассматриваются материалы межвузовского сборника научных трудов [14], открывающего «тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира» [14]. Для углубления теоретических аспектов разрешаемой проблемы в нашей ее версии (с актуализацией коннотативного макрокомпонента значения и выявления состава и взаимодействия его микрокомпонентов) мы привлекли ряд статей известных ученых из сборника научных трудов, посвященного 70-летию Т. М. Николаевой [15]. Это статья Е. С. Кубряковой «О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания», В. З. Демьянкова «Текст и дискурс как термины и слова обывденного языка» [6], работа М. Я. Гловинской, посвященная оценке (по нашему мнению, одной из важнейших составных частей коннотации — В. Н.) в составе речевого акта [3].

Помимо указанных фундаментальных в избранном нами аспекте работ привлекались и другие исследования, позволяющие выявить специфику

функционирования коннотативных и коннотатированных единиц языка/речи в тех или иных дискурсах. Это, например, работы В. В. Красных, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Л. И. Гришаевой [5], В. Н. Базылева и др. ученых.

Лишь глубокий анализ названных и других источников дает наиболее полное представление не только о разнице между текстом и дискурсом по целому набору критериев (порой имеющих близкое или одинаковое соприкосновение), но и по коннотативной характеристике с ее порождением, развертыванием, детерминированностью социокультурными, этнопсихологическими, идеологическими факторами.

Так, при всей убедительности трактовки соотношения текста, дискурса и связанной с ними проблемы коммуникации, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [13, 4], отдельные варианты размежевания в связи с разнообразием современных текстов и других причин требуют некоторых уточнений, в частности, три последних приведенных в таблице измерения нуждаются в определенных коррекциях, оговорках.

Нам представляется вполне очевидным выделение здесь зон синкретизма, общности признаков, правда, отличающихся и количественной, и качественной квалификацией, большей или меньшей константностью названных черт различия.

Текст не может иметь в качестве конститутивного признака автономность от породившей его действительности, хотя таковых текстов множество. В равной степени и текст, и дискурс все же имеют по-разному эксплицируемые коммуникативные и прагматические задачи.

Без всякого сомнения, дискурс обладает целым набором невербальных компонентов коммуникации. Однако ими (в меньшей степени) характеризуется и текст в современном его понимании и разнообразии. Ср. рассуждения В. Г. Костомарова, справедливо указывающего на невербальные средства, которые все активнее выступают в качестве

носителей смысла (в нашем понимании смысла как коннотации, усиленной подобными способами в их сочетании с вербальными — В. Н.) не в пределах дискурса: «Уже нынешнее поколение людей оказывается приученным к «тексту трех измерений», к получению информации в слиянии звука, речи, изображения...». И далее: «Тем временем даже беллетристика начинает мыслить кадрами и блоками, бездумно обращается к искусственным чередованиям языковых единиц (иной раз прибегая к рисункам, схемам, графике и верстке) вместо творческой лепки художественных образов традиционными приемами «развертывания словесных рядов» [9, 118—119].

Что же приобретает текст—дискурс в результате подобной тенденции к синкретичности ранее дифференцирующих константных признаков? Безусловно, дополнительную экспрессивность, калейдоскопичную образность. Однако дисфункциональными оказались (оказываются) традиционно коннотативно богатые (потенциально и актуализированно) языковые / речевые средства. Следует отметить и особенности эмотивности (эмоциональности) как составляющей коннотации, сопряженной и с образностью, и с экспрессивностью, и с оценочностью. Ср. у В. Г. Костомарова: «Привычка к восприятию информации в вербально-изобразительной форме с частой сменой кадров и крайне лаконичной языковой составляющей укорачивает нормальный срок восприятия информации (полагают, что полное восприятие надписи или проговариваемой фразы составляет не менее трех секунд), но краткость и яркость восприятия мешает ее поверить разумом, по-настоящему «переварить». По имеющимся данным, уже целое поколение молодежи испытывает неспособность к настоящему чтению, считая обычные неспециальные (кроме написанных в блоковом ритме детективов) и, тем более, специальные книжные (отчего теряет способность к профессиональному обучению) тексты и даже газетные, считая их неодолимо трудными, неприятными, занудными...» [9, 119].

Можно говорить о дисфункции, деконнотации и традиционно считавшихся образцовыми произведений. Слово «текст» приобретает в подобных случаях самодовлеющее и специфическое значение. О тексте-эрзаце произведения с его девальвацией Слова пишет один из видных текстологов В. А. Лукин [12, 156—157].

Открытость для дискуссии не только по вопросам относительности или четкости разграничения содержания терминов *дискурс* и *текст*, но и осо-

бенно динамики и качественной стороны коннотации (что в нашем исследовании представляется наиболее сущностной его стороной — В. Н.) отмечают в привлеченной выше работе З. Д. Попова и И. А. Стерния:

«К настоящему времени, — пишут они, — четкого разграничения содержания *дискурс* и *текст* не проведено, хотя общая тенденция в их использовании прослеживается: для исследования дискурса более важны ситуации, в которых протекает речевая деятельность, его социокультурная специфика, обусловленность его содержания и структуры социальными и коммуникативными факторами, а также эффективность его воздействия на адресата. Для исследования текста более важно его внутреннее устройство, средства его формирования, факторы, обеспечивающие связность текста» [13, 5].

Соглашаясь с важностью акцентирования внимания авторами на последних ракурсах исследования именно текста, заметим, однако, что нас в не меньшей степени интересует воздействие текста на адресата, и эта сторона исследования в параметрах *текст—дискурс*, безусловно, заставляет актуализировать проблему коннотативных единиц в обоих сравниваемых феноменах в сложнейшем взаимодействии текста и дискурса даже в рамках одного произведения.

Для более полного представления сложности целого спектра проблем взаимоотношения текста и дискурса приведем другие суждения З. Д. Поповой и И. А. Стернина в продолжение анализа их привлекательной концепции:

«Несомненно, текст является основой любого дискурса, но понятие дискурс оказывается явно шире понятия текста. Применительно к эффективности речевого воздействия нам представляется возможным говорить лишь об эффективности текста, имеющего конкретную прагматическую цель — об эффективности дискурса вряд ли можно говорить, поскольку он принципиально бесконечен, представляя собой совокупность текстов определенного типа.

Аспект *речевого воздействия* является важным аспектом прагматического подхода к тексту. Для понимания эффективности речевого воздействия текста на адресата нужно знать, какие характеристики текста и как именно оцениваются людьми» [там же].

Трудности в определении текста и его отграничительных характеристик не исчерпываются перечисленными в вышеприведенных рассуждениях

известных ученых, а поэтому и сама динамика коннотативных единиц языка / **речи с их актуализированными** вербальными микрокомпонентами коннотативного значения должна найти убедительное и многоаспектное представление.

О подобных и других сложностях, относящихся к современной парадигме текстоцентризма, а также о соотношении *текст—дискурс* подробно говорится в работе Л. Григоровича «Современное состояние и тенденции развития учебной лексикографии». Здесь, в частности, находим имплицитное указание и на коннотативные характеристики: «В лингвистике текста, — отмечает автор, — формируется представление о тексте как о единстве содержательных сегментов и их структурно-формальных коррелятов. Однако выявление механизмов структурированности текста, по мнению многих лингвистов, не позволяет сформировать целостное представление о субстанциональных и функциональных свойствах объекта. Отчетливую формулировку семиотической сущности текста дает Р. Барт, **разграничивающий понятие дискурса и собственно текста**. Новая материальность — дискурс, по его определению, включает «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый с вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [4, 271].

Как видим, если по З. Д. Поповой и И. А. Стернину дискурс и текст поляризуются по таким признакам, как неограниченность / **конечность** по объему, то в данной интерпретации Р. Барта **конечность** любого отрезка — черта дискурса. Вторичные коммуникативные цели и соответствующая этим целям организация связаны (заметим, посредством особо структурированных языковых единиц в сочетании с невербальными компонентами коммуникации — В. Н.) «с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку».

Вне всякого сомнения, и текст, и дискурс как более широкое понятие не могут быть противопоставлены по наличию/отсутствию коннотативных характеристик. Однако, как нам видится, можно говорить и о количественной, и о качественной сторонах присутствия коннотативного компонента значения в рассматриваемых феноменах, в разной степени полноты и системности исследованных к настоящему времени.

В качестве гипотезы, на основании эмпирического материала, можно утверждать, что дискурсивная сфера функционирования коннотативных микрокомпонентов значения более динамична, энергична,okkaзиональна, более спонтанно проявляема в речи в процессе речепорождения.

В литературе вопроса «тело текста» одним из исследователей дискурса, Н. Ф. Алефиренко, противопоставлено в этом отношении совершенно противоположному состоянию и функционированию единиц языка в дискурсе: «Действительно, текст создается и воспринимается субъектами дискурса, без которых существует лишь «тело текста», последовательная цепочка каких-то фигур. Иными словами, «тело текста», рассматриваемое без означивающего его субъекта речи, не может служить источником внутренней энергетики. Таковым он становится лишь тогда, когда погружается в соответствующее этнокультурное пространство, центральной фигурой которого является человек, продуцирующий данный текст. Такой текст (текст, погруженный в культуру, или дискурс) действительно служит источником той энергии (образного напряжения, поэтической силы и интенсивности), в силовом поле которой порождаются знаки образной номинации» [1, 9—10].

Говоря о познании синергетики образного слова, ученый отмечает, что она «предполагает широкий диапазон рассмотрения факторов его возникновения и бытования в речи».

В этой связи следует, на наш взгляд, микрокомпонент коннотации «образность» ввести в континуум связанных с ней и экспрессивности (и напряжение, и поэтическая сила — это ядерные семы и экспрессивности, и особо проявленной эмоциональности / **эмотивности**), и оценочности.

Другие важные параметры, ограничивающие текст от дискурса и, соответственно, проливающие свет на механизмы порождения различного рода смысловых приращений, находим у Л. Григоровича в приведенной выше работе:

«Обозначенные Р. Бартом контуры семиотической природы дискурса разграничили представление о тексте как высшей единице языковой иерархии и тексте как семиотическом сегменте целенаправленного социального действия (выделено нами — В. Н.), реализующего весь спектр коммуникативно-прагматических установок говорящего. Разграничение ракурса структурно-семантической репрезентации и семантико-прагматической целенаправленности обусловило делимитацию эксплицитного уровня информации, сформулированного в резуль-

тате синтаксических и логико-семантических связей языковых знаков, входящих в текст» [4, 272].

Какие дополнительные характеристики позволяют нам говорить о дискурсе в плане отграничения его от привычного для сознания русских термина *текст*?

Термин *дискурс* на русской почве имел узкую сферу употребления по сравнению с его производным *дискурсивный* вплоть до середины XX века. Как отмечает В. З. Демьянков, «*дискурс, дискурсивный, дискурсия* прочно вошли в лексикон гуманитариев эпохи постмодернизма. На границе XX—XXI вв. частотность этих терминов растет даже в художественной литературе...» При этом само это модное и непривычное для обывденного языка, сознания слово с двояким ударением (особенно с его французским вариантом) «обладает ореолом большей учености, чем слово *текст*», а потому и сам термин *дискурс* коннотативно маркирован.

«А противопоставление текста дискурсу стало более значимым для филологического рассуждения по-русски. В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора, по презумпции которого «автор конструировал дискурс», где «описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), не-реальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки» [6, 48—50].

Как нам представляется, именно дискурс или дискурсивная форма текста дает большие и большие по сравнению с текстом возможности репрезентации всех коннотативных красок, возникающих в специфических условиях функционирования лингвистических и паралингвистических средств, вызывает разного рода рефлексивы, передаваемые через оценки эмоционально-экспрессивной (или экспрессивно-эмоциональной и образной) лингвистической квалификации.

Подобное предположение можно экстраполировать даже на научный текст, не говоря уже о тексте художественном, художественно-публицистическом, политическом (по возрастающей степени признака и с учетом концентрации, особой когезии самых разнообразных средств).

Сфера рефлексии, а значит, и рефлексивов, сопровождаемых различными коннотациями, прису-

ща также гуманитарным методологическим текстам, так как «в науке в целом и ее отдельных дисциплинах имеется сфера рефлексии над процессом научного познания и его результатами» [11, 147].

Новые грани в понимании дискурса в сравнении с текстом и его коннотативные качества как конститутивные свойства находим в работе Е. С. Кубряковой «О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания». Отдельные моменты, характеризующие в ее концепции дискурс, совпадают с указанными В. З. Демьянковым, другие — существенно дополняют, уточняют все вышерассмотренные нами подходы к дискурсу, подчеркивая воздействующую (ср. экспрессивную в сочетании с эмотивной функцией языка/речи) его направленность особенно при манипулировании сознанием человека.

Если исходить из предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным триады текст—дискурс—картина мира, то последний ее компонент также даст неизмеримо большие эксплицированные возможности и гипотетического, и конкретно манифестированного материала. Даже в сопоставлении текста и дискурса в версии В. З. Демьянкова можно увидеть особенности структурирования дискурса и ожидаемых, порожденных когерентностью речевых актов, смысловых приращений. В самом деле, речь и текст как ее разновидности, явленные в становлении, особой интерпретации, устраняющей референтную неоднозначность, помимо отчетливости в определении коммуникативной цели целого высказывания, делают экспрессивной и определение микроцели каждого предложения, что, в конечном счете, «шаг за шагом», выясняет «драматургию (а следовательно, и создающую ее смысловые приращения, коннотации) всего дискурса».

Весьма важно и следующее качество дискурса, позволяющее увидеть неизмеримо более широкие, чем обычно отмечается в литературе вопроса, его возможности по сравнению с близкими ему феноменами. «Особого внимания, — отмечает Е. С. Кубрякова, — заслуживает, наконец, и проблема классификации дискурсов и нахождения тех критериев, которые помогут выделить наиболее релевантные черты в функциях и структуре дискурса. Ведь типы дискурса проявляют богатую дифференциацию (**very richly differentiated**) и **тесно связаны с условиями его осуществления**. Именно в дискурсе реализуются все средства языка, заложенные потенциально в его системе...» [10, 23—24, 26—27].

Постулированные нами положения об обязательности разнообразной вербализации дискурса, не

сводимой к особенностям его синтаксического построения, специфике (при общих закономерностях) выбора тех или иных лингвистических средств в теснейшей их связи со средствами паралингвистического порядка находят подтверждение при анализе дискурсов политической направленности. Это доказывает наша верификация, а также дополнительные теоретико-эмпирические изыскания таких ученых, как В. Н. Базылев и Л. И. Гришаева.

См., например, положение, из которого при дальнейшем углублении исследуемого материала применительно к коннотации можно эксплицировать и конкретные языковые/речевые факты, и вместе с тем сделать более основательные выводы, экстраполировать их на другие, не менее интересные и важные стороны анализа триединства заглавия статьи: «Важно заметить также, что для реализации одной дискурсивной стратегии коммуниканты располагают множеством изофункциональных номинативных средств, которые, однако, в одних дискурсивных условиях являются первичными, а в других — вторичными; ср. первичный (финитной конструкцией) и вторичные (инфинитивной группой, разнородными партиципийными конструкциями, субстантивной группой, адъективной группой) способы именования одной и той же пропозиции, которые имеют явную специализацию на тип дискурса, в первую очередь на бытовой или научный» [5, 89].

Заслуживают большого внимания и следующие два положения, выдвинутые Л. И. Гришаевой. Заметим, что второе из них — продолжение, с другими акцентами, процитированного выше материала:

1. «Интерпретировать соотношение между дискурсивными и номинативными стратегиями можно соответственно как потенцию и ее реализацию, мотив для определенной деятельности и план ее реализации, план реализации деятельности и реальное его воплощение.

2. Разводить использование языковых средств по номинативным и дискурсивным стратегиям целесообразно уже в силу того, что «исходным для каждого речевого высказывания является наличие мотива, или замысла (Лурия 2002: 108). Соответственно — «каждая лексическая единица (и, в частности, слово) фиксирует место соответствующего представления в целой системе связей» [там же, 109].

Что же касается политического дискурса, то здесь сознательный выбор коннотированных языковых единиц связан именно с реализацией экспрессивной (или эмоционально-экспрессивной) функции воздействия. Ср. у Л. И. Гришаевой: В по-

литическом дискурсе субъект осуществляет свой выбор номинативных и дискурсивных стратегий, как правило, сознательно — по причине стремления максимально эффективно воздействовать тем или иным способом на своего интерактанта при достижении цели своей деятельности» [5, 89—90].

Всестороннее изучение такого конструкта, как дискурс в его соотношении с текстом и выявление коннотативных возможностей того и другого феноменов в их сложном взаимоотношении вызывает необходимость разрешения некоторых вопросов теоретического характера, в частности, соотношения вербальных и невербальных компонентов в дискурсе и тексте.

3. Д. Попова и И. А. Стернин одним из вариантов разграничения, как нами было уже отмечено раньше, справедливо считают «наличие невербальных компонентов коммуникации» в дискурсе и «отсутствие невербального аспекта» в тексте. Однако этот надежный и очевидный критерий отнюдь не исключает (пусть в качестве вспомогательных средств) наличия в разных соотношениях указанных дифференцирующих признаков сравниваемых объектов исследования и в дискурсе, и в тексте, что нетрудно обнаружить в случаях их динамичной синкретичности.

Абсолютизация того или иного разграничительного параметра, элиминирование языковой составляющей или редуцирование важных строевых элементов языковой системы приводит в конечном итоге к искусственному разделению дихотомии язык / речь.

Подобное находим в дефиниции (кстати, достаточно частотной у других исследователей), предложенной Н. Ф. Алефиренко (ср., однако, с его точкой зрения в 2002 г. — В. Н.):

«Дискурс (фр. discours — речь) — элементарная невербализованная единица текста (подчеркнуто нами — В. Н.), представляющая собой сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями». При этом автор ссылается на работы В. А. Звегинцева и Л. В. Лисоченко разных периодов издания — 1976 и 1992. Какова позиция Н. Ф. Алефиренко? Он пишет: «Учитывая то, что категориальными признаками дискурса являются содержательное единство и смысловые отношения между предложениями (и только? — В. Н.), у нас имеются все основания интерпретировать дискурс в аспекте семантического синтаксиса...» [2, 298].

Эмпирический путь — практика преподавания «Филологического (лингвистического) анализа текста» в вузе — позволяет, вслед за некоторыми авторами учебников и учебных пособий, провести примерные линии отграничения дискурса от текста в пределах дискурсивной формы поэтического текста (ПТ): а) поэтическая графика; б) поэтический ритм (с описанием единиц просодической природы); в) дикция; г) внутренний жест; д) другие элементы дискурсивной формы и организации ПТ. См. [7, 407].

Следует заметить, что 4 и 5 этапы комплексного анализа поэтического текста оказываются противопоставленными по признакам внеязыковой (или, точнее, неязыковой) и языковой форм, что представляется несколько искусственным и некорректным в научном и дидактическом планах.

Применительно к дискурсивной форме текста в подобных случаях особо структурированной и функционально пульсирующей экспрессии целесообразно, на наш взгляд, в понятийный аппарат ввести термин *композициональность*, расширив репертуар охватываемых им коннотативных микрокомпонентов в составе общего макрокомпонента значения в его динамике: значение—значимость—смысл (последний рассматриваем в значении 'коннотация' — В. Н.).

ПРИМЕЧАНИЕ

В отношении коммуникативной стратегии говорящего свой инвентарь «коммуникативных значений в их взаимной сочетаемости в пределах одного коммуникативного компонента» выстраивает Т. Е. Янко [16, 18 и др. с.]; более узко, но с выходом на один из основных компонентов коннотации (при широком ее понимании) этот принцип рассматривают другие ученые, в частности: «Фактически о композициональности коммуникативных значений пишут И. Г. Торсуева (Интонация 1978: 16—17) и Н. Д. Светозарова (1982: 97), указывая на комбинированную коммуникативную и экспрессивную функции интонации» [там же, сноска¹ на с. 18].

Поставленные в статье проблемы нашли лишь частичное их обоснование, актуализацию. Для более основательного их решения необходим больший массив исследуемого материала, привлечение данных наиболее плодотворно «работающих» лингвистических и философских парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Асадемия, 2002. — 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
3. Гловинская М.Я. Оценка в составе речевого акта // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 976 с.
4. Григорович Л. Современное состояние и тенденции развития учебной лексикографии // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. — 782 с.
5. Гришаева Л.И. Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 17 / Урал. пед. ун-т; Отв. ред. А. П. Чудинов — Екатеринбург, 2006. — 228 с.
6. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 976 с.
7. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: Учебник для вузов. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. — 432 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 380 с.
9. Костомаров В.Г. Невербальные носители смысла и стилистика // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.) / Отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. — Пермь, 2005. — 350 с.
10. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 976 с.
11. Левченко Е.В. О возможностях дискурсивного анализа гуманитарных методологических текстов // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.) / Отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. — Пермь, 2005. — 350 с.
12. Лукин В.А. Кризис и текст // Русское слово в русском мире — 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян: Сборник научных статей / Под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. — М., 2006. — 488 с.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации // Текст—дискурс—картина мира: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 1 / Научный ред. О. Н. Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. — 238 с.
14. Текст—дискурс—картина мира: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 1 / Научный ред. О. Н. Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. — 238 с.
15. Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 976 с.
16. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 384 с.